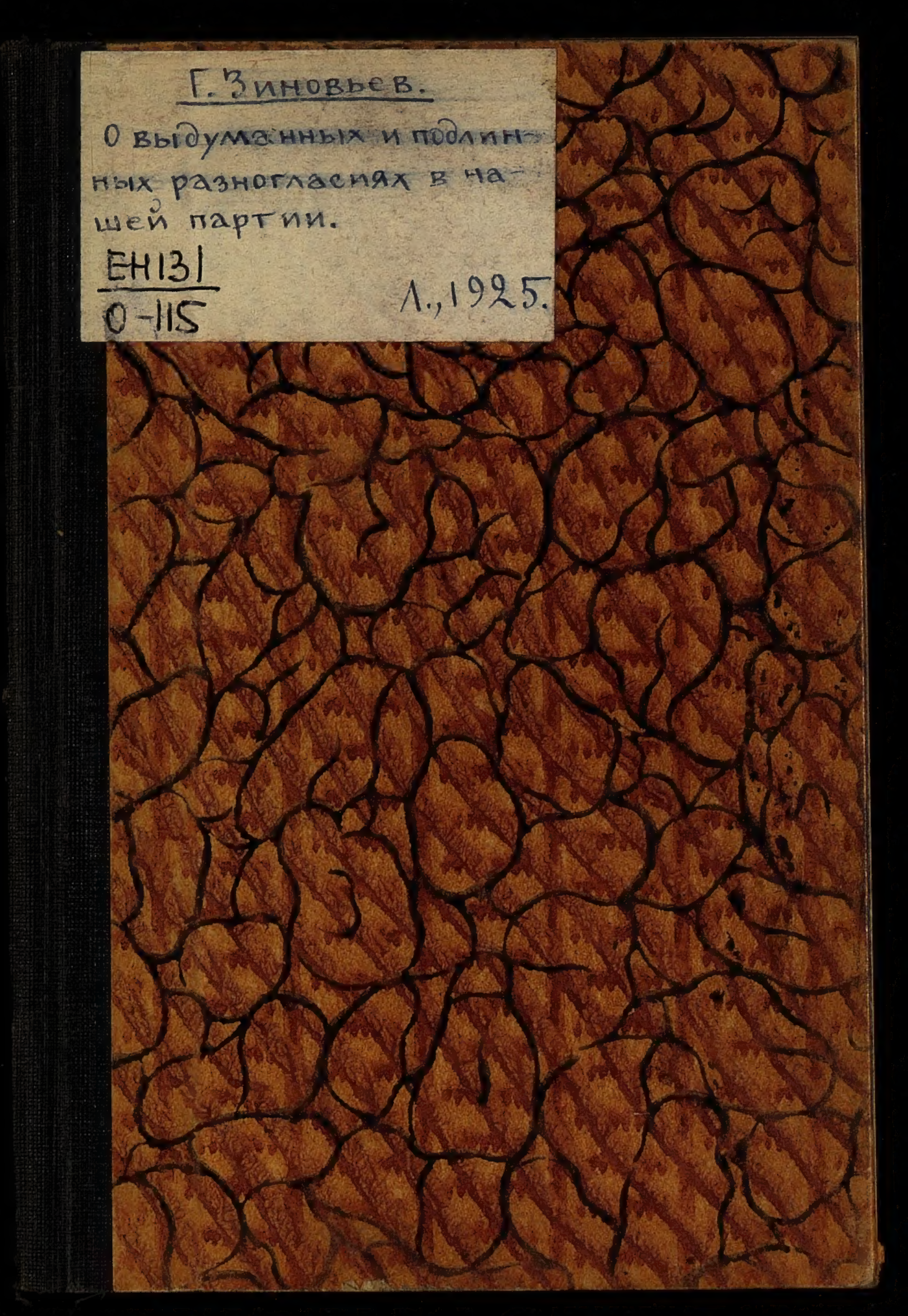
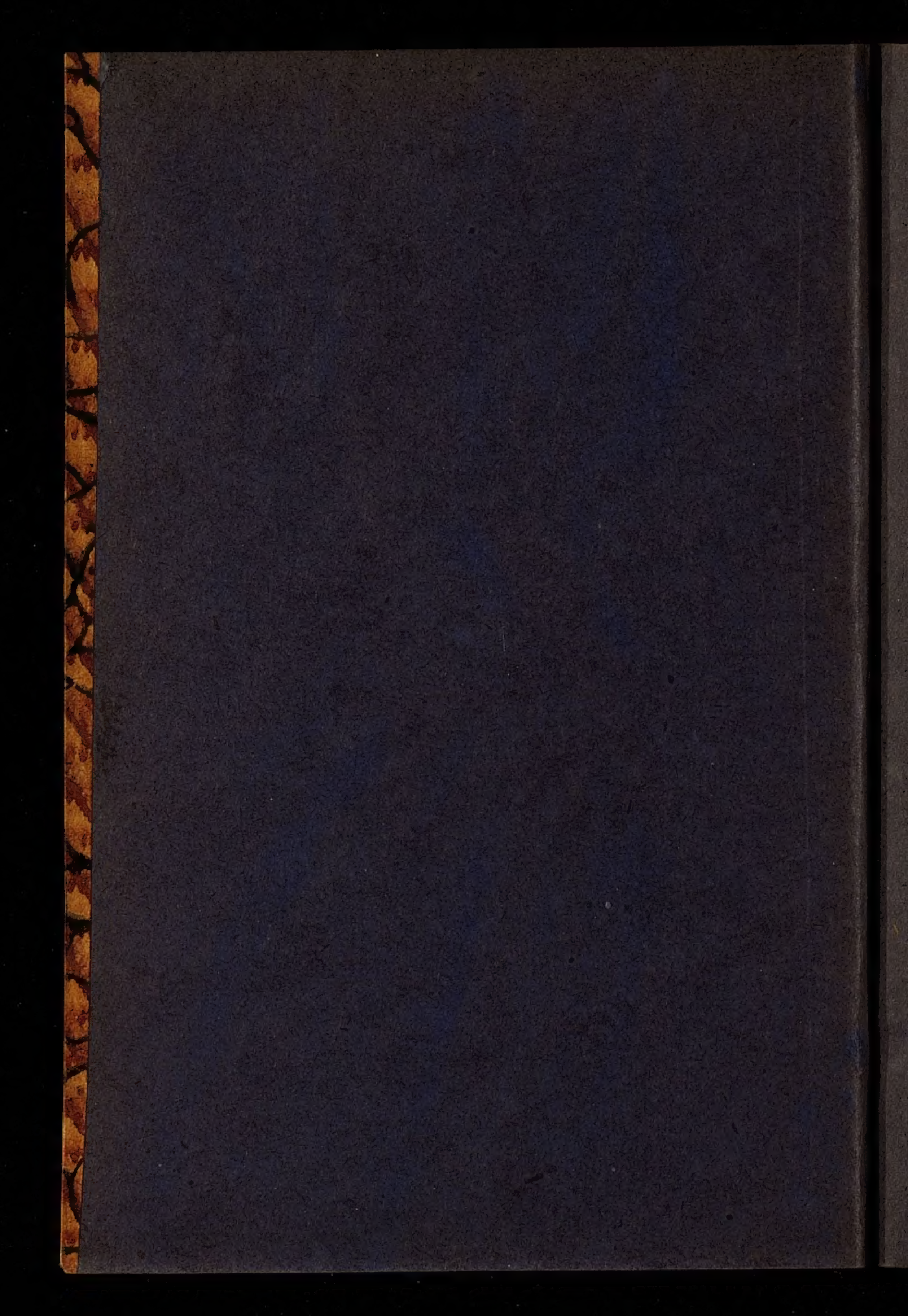

Г. Зиновьев.
О выдуманных и подлинных разногласиях в нашей партии.
ЕН131
О-115
Л., 1925.

Г. ЗИНОВЬЕВ

О ВЫДУМАННЫХ И ПОДЛИННЫХ РАЗНОГЛАСИЯХ В НАШЕЙ ПАРТИИ

ЛЕНИНГРАД, 1925 г.

Настоящая брошюра представляет собою несколько переработанный содоклад на XIV съезде РКП (б).

Ленинградский Гублит № 4130. Тираж 250.125. — 4 л. Заказ № 458

Типография Рабоч. Изд-ва „Прибой" им. Евг. Соколовой пр. Красных Командиров, 29.

Товарищи, самым важным фактом для всех нас, пожалуй, для всей страны и в значительной мере для Коммунистического Интернационала, является развернувшаяся в самое последнее время полемика между большевиками, — полемика, главным образом, направленная против ленинградских работников. Эта, как бы неожиданно вспыхнувшая полемика, с одной стороны, уже имеет свою историю, а с другой — она, несомненно, отражает кое-какие серьезные явления в стране. Мне кажется поэтому необходимым, — и я думаю, что это будет в интересах партии, — если мы до конца и самым откровенным образом выскажем перед нашим партийным с'ездом наше понимание спорных вопросов.

Конечно, в высшей степени нежелательно преждевременно выносить на широкое обсуждение какие-либо разногласия, пока есть серьезная надежда изжить их в более узком кругу. Одна опасность заключается в том, что преждевременно вынесешь те или другие разногласия. Но существует и другая опасность. Если серьезные разногласия загнать внутрь, если слишком долго пытаться их изживать в узком кругу, то может возникнуть положение, подобное тому, которое создалось у нас сейчас. Если присмотреться к тому, что происходит сейчас в связи с нашим с'ездом, то, мне

кажется, приходится скорее пожалеть не о том, что слишком рано, а о том, что слишком поздно выносим эти вопросы. (Голоса с места: «Правильно!»). Конечно, это не значит, что мы не найдем их разрешения. Мы их разрешим и пойдем дальше, продолжая ту великую работу, которую ведет наша партия. Но для партийного с'езда, для всей партии было бы лучше, если бы разногласия, намечавшиеся среди основного ядра большевиков-ленинцев вот уже около полутора лет, — если бы они в соответствующей форме были поставлены во-время.

Вы все, конечно, помните, что одним из важнейших мест в политическом завещании Ленина является следующее:

> «Конечно, — писал Владимир Ильич, — в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола. . .» [1].

Мне кажется уместным напомнить сейчас эти слова не потому, чтобы я хотел утверждать, будто такая опасность вплотную над нами нависла. Ничего подобного! Мы на то и большевистская партия, чтобы видеть такие опасности в тенденции, чтобы десять раз проверять свой путь, не допуская до такого обострения, когда бы такая опасность стала актуальной.

Положение, в котором застает страну наш с'езд, можно свести к следующим пяти пунктам:

[1] Н. Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 124.

Во-первых. Мы подходим к пятилетию новой экономической политики. Мы целиком вошли в полосу строительства. Я думаю, в данном случае можно рискнуть употребить громкое слово и сказать, что мы вошли в полосу великого строительства. Это заявление не будет преувеличением, оно не звучит фразой. Действительно, мы с головою окунулись в хозяйственное и культурное строительство, мы вплотную вошли в такой период, который впоследствии в истории нашей революции будет, несомненно, назван полосой великого строительства. Это — первое, чем характеризуется нынешнее положение.

Во-вторых. Эти пять лет доказали, что дорога через нэп к социализму или, как говаривал Владимир Ильич, «не иначе, как через нэп», эта дорога единственно правильная. Все толки о том, будто у нас есть какие-либо сомнения насчет самого нэпа, насчет самой дороги, по которой мы идем, абсолютно ни на чем не основаны. «Не иначе, как через нэп» — это было сказано правильно, это доказано целым пятилетием, имеющим решающее значение в нашем строительстве.

В-третьих. Бесспорно и всем ходом нашего хозяйственного развития доказано, что мы, действительно, строим социализм в нашей стране. Мы спорим лишь о том, можно ли окончательно построить социализм и закрепить социалистический строй в одной стране, и притом не в такой стране, как Америка, а в нашей, крестьянской. Мы не спорим о том, что строительство социализма в одной стране невозможно: количество наличного пролетариата в Советском Союзе для этого достаточно, хозяйственные предпосылки налицо, общеполитическая обстановка вполне благоприятна для того, чтобы

с большим успехом строить социализм, памятуя, что поддержка международного рабочего класса к нам идет, что окончательно наше строительство социализма будет завершено в международном масштабе.

В-четвертых. Доказано, что мы строим социализм и должны его строить в тесном союзе с основной массой крестьянства, с громадным большинством деревни, со всей массой бедноты и середняков против кулака.

Наконец, пятое, чем, по-моему, характеризуется современный период,—это необычайно пробудившаяся активность, прежде всего, пролетариата и вообще трудящихся масс, — можно даже сказать, всего населения нашего Союза.

Вот в нескольких словах основной итог пятилетия нэпа. Каковы главные трудности в нашей работе? Их, по-моему, три. Они образуют как бы фон всей картины нашего строительства. Первая трудность — затяжка мировой революции. В начале Октябрьской революции мы были убеждены, что рабочие других стран окажут нам непосредственную поддержку в течение месяцев или, во всяком случае, немногих лет. Теперь, к сожалению, доказано, что затяжка мировой революции есть факт, что частичная стабилизация капитализма представляет собой целый период, и что с этой стабилизацией связан новый, более сложный, комплекс трудностей.

Вторая трудность общеизвестна: это—строительство социализма в отсталой стране с таким громадным преобладанием крестьянства. Это — трудности, в которых мы отдавали себе отчет с первых дней революции и которые мы с успехом преодолевали.

Третья трудность — создание коллективного руководства нашей партией после смерти Владимира

Ильича. Только сейчас, мне кажется, она вырисовывается с полной ясностью. Это немаловажная трудность, потому что руководить партией значит вместе с тем руководить государством. Это не только организационный вопрос, это — политическая проблема глубочайшей важности.

Вот в какой обстановке мы имеем ряд довольно значительных успехов, с одной стороны, и ряд трудностей, не зависящих от нашей воли, которые заложены в об'ективном положении вещей, — с другой. Колебания и ошибки отдельных из нас естественны и в известной мере неизбежны, нужно только не скрывать их в тех случаях, когда дело идет о чем-нибудь серьезном, нужно уметь ослаблять их и делать во-время сответствующие исправления. Неизбежность этих ошибок и колебаний заложена в пестроте нашего хозяйственного уклада, в затяжке международной пролетарской революции и, наконец, в том, что мы — единственная партия в стране, о чем нам не раз приходилось говорить на предыдущих с'ездах. В нашу партию порою врываются такие веяния, которые при наличии других партий проявились бы там. Нам частенько приходится считаться не только с тем, что мы — одна партия, но и с тем, что мы вынуждены ряд важнейших разногласий от времени до времени загонять внутрь, не вынося их на широкое обсуждение. Ряд крупных разногласий, связанных с вопросом о крестьянстве, мы в течение довольно долгого времени загоняли, так сказать, в одну комнату, надеясь на то, что сами найдем достаточно приемлемое для всей партии решение. Вот эти все трудности, вместе взятые, и приводят к тому, что отдельные ошибки неизбежны, и мимо них нашему партийному с'езду не пройти.

Если бы вас спросили в тот момент, когда мы начи-

нали нашу революцию, сколько времени требует наша партия на то, чтобы, хотя бы вчерне, завершить свою программу, — едва ли многие из вас назвали бы слишком большой срок, едва ли кто-либо стал тогда говорить о десятилетиях. Если бы нам тогда дали пять лет, мы все считали бы, что срок этот весьма значителен и достаточен вполне. Однако, товарищи, не так далеко до первого десятилетия нашей революции. А вышло так, что теперь мы должны потребовать от истории, по крайней мере, еще одно десятилетие. Я не хочу этим сказать, что в течение ближайшего десятилетия в других странах не будет революций, — они наверное будут, — но все-таки теперь, имея уже исторический опыт, мы знаем, что для завершения, хотя бы в основных чертах, нашей программы нам нужно еще десятилетие пролетарской диктатуры. Владимир Ильич выразил эту мысль в фразе:

> «10—20 лет правильных отношений с крестьянством, и обеспеченная победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора» [1].

Это не значит, что в этот десяток лет диктатура у нас будет развиваться в старых формах. Нисколько! Это не значит, что мы будем, так сказать, тыкать диктатуру народу, населению, что мы будем об этом кричать, что мы будем ее выпячивать. Нет никакого сомнения в том, что из года в год формы пролетарской диктатуры будут изменяться, улучшаться и кое в чем смягчаться. Нет никакого сомнения, что если бы мы этого не понимали, то мы не были бы ленинцами. Мы должны

[1] Н. Ленин. План брошюры «О продовольственном налоге». «Большевик» 1925 г., № 7, стр. 76.

понять, что мы теперь вошли в полосу великого строительства, что мы работаем в обстановке, во многих отношениях радикально отличающейся от прежней. И формы диктатуры также должны меняться. Возьмем, например, лозунг оживления советов; это — не только организационный лозунг, он, несомненно, имеет в виду и общую задачу улучшения, усовершенствования форм нашей диктатуры. Об этом, впрочем, среди нас нет спора. Но надо отдать себе отчет в том, что добрый десяток лет диктатуры нам еще необходим для завершения, как я уже говорил, хотя бы в основных чертах нашей программы.

Если в ближайшие годы стабилизация действительно будет продолжаться, и если дальнейшее развитие диктатуры у нас будет происходить в сравнительно мирной обстановке, то совершенно ясно, что мы будем иметь перед собой то, что можно назвать «стабилизационным настроением». Хорошая сторона здесь заключается в том, что это позволит нам с головою уйти в хозяйственное строительство, т.-е. в то, во имя чего происходила наша революция. Но несомненно, что эти стабилизационные настроения несут с собою и известные опасности, что они будут приносить иногда и действительное, подлинное ликвидаторство и некоторые гнилостные процессы. «Враг — не полчища белогвардейцев... враг — обыденщина экономики в мелкокрестьянской стране с разоренной крупной промышленностью, — писал Владимир Ильич, — вот враг». Я напомню, что на последнем с'езде, на котором Владимиру Ильичу удалось выступить, — на XI с'езде партии, в марте 1922 г., он говорил:

«Сегодня на нас не наступают с оружием в руках, и, тем не менее, борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточенной и опас-

ной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг, и кто наш друг».

Мне кажется, товарищи, что сказанное здесь Ильичем целиком относится не только к 1922 г., но в гораздо большей степени оно может быть отнесено и к 1925 г., а, вероятно, в той или иной форме и к 1927 г.

Нам нужно понять следующее: существование диктатуры мы сохраняем на определенное количество лет, но вместе с тем мы должны уметь улучшать ее формы для того, чтобы поднимать все более широкие пласты народа, втягивая их в наше пролетарское государство и помогая им перевоспитываться в нашем духе. Вместе с тем надо понять, что этот процесс сравнительно мирного развития, позволяющий нам действительно начать строительство социализма, — вместе с тем связан и с известными опасными моментами, сразу невидными простому, невооруженному глазу. Надо видеть сильные и слабые стороны той «обыденщины», о которой говорил Владимир Ильич, и во-время уметь предупредить ее отрицательные влияния.

Перехожу к отдельным пунктам наших разногласий. В последнее время для нас как бы неожиданно, как снег на голову, по выражению некоторых делегатов, обрушился спор по вопросу о госкапитализме. Ни на одной партийной конференции вы этого вопроса не обсуждали, ни на одной партийной конференции до последнего времени не было речи о том, что у кого-либо из нас в этом вопросе есть «ликвидаторство», есть «пораженчество» и проч. Многие из вас, вероятно, только в поезде, только по дороге сюда, случайно узнали эту немаловажную новость. Я думаю, товарищи, что в действительности, как это часто бывает у нас, и в этом как бы «академическом» споре на деле, наверное, за обсуждаемыми вопросами кроется что-то весьма важное

в области политики. У нас часто бывало так: мы спорим по вопросу о профсоюзах, о сращивании их с государством, а на деле оказалось, что спорили мы о нэпе, что спорили мы о том, каковы должны быть взаимоотношения пролетариата и крестьянства.

Чтобы взять быка за рога, я думаю, товарищи, необходимо, прежде всего, ответить тем, кто сейчас пытается представить дело так, будто у нас никакого госкапитализма и чуть ли не вообще никакого капитализма нет. Я считаю, что в действительности здесь дело идет о попытке некоторых товарищей об'явить сейчас нэп социализмом. Такая точка зрения, такая позиция представляет собой идеализацию нэпа, идеализацию капитализма. Что нэп есть дорога к социализму, это бесспорно, но что нэп не есть социализм, это положение мне кажется также бесспорным. Так вот, товарищи, мне сдается, что именно отсюда идет этот спор. Конечно, тот, кто идеализирует нэп, не может не оспаривать формулировки Ленина в вопросе о госкапитализме. Я вам сейчас докажу бесспорность своего утверждения.

Вы знаете, товарищи, что тут спор идет далеко не о «терминах», как это пытаются иногда представить, извращая всю суть в постановке этого вопроса. Такому заявлению никто и не поверит. Спор идет о системе политики, об оценке структуры экономики в нашей стране. Каждому из нас приходилось, к сожалению, в том или ином вопросе не соглашаться с товарищем Лениным и при этом быть неправым и попадать впросак. Это случилось и с т. Бухариным по вопросу о госкапитализме. Конечно, во многих вопросах Ленин и Бухарин защищали одно и то же. Но есть такой вопрос, в котором как раз эти имена противопоставлены одно другому: это в споре о госка-

питализме. Вот чего нельзя забывать и чего нельзя оспаривать никаким большинством голосов, ибо это — факт. В этом вопросе имена Ленина и Бухарина противопоставлены друг другу. С какого момента? Начиная со статьи Владимира Ильича «О левом ребячестве» и кончая его последней работой о кооперации. Во всех работах Владимира Ильича, в которых затрагивается эта тема, красной нитью проходит расхождение между ним и т. Бухариным. И вот теперь, товарищи, мы присутствуем при попытке провозгласить официальной точкой зрения партии те взгляды тов. Бухарина по вопросу о госкапитализме, которые он разделял и разделяет сейчас и против которых в свое время решительно боролся Владимир Ильич. При чем дело идет тут не об академическом вопросе и не о термине, а о чем-то гораздо более важном.

Я, грешный человек, думаю, что дело тут идет об основах ленинизма. В последнее время, товарищи, многие толкуют так, что не надо, мол, слишком много цитировать Владимира Ильича, что так начетчики только делают, что это «ветхий завет» у нас и т. д. Так иногда говорят. И говорят еще так: зачем цитировать Ленина, у него можно найти что угодно, как у дядюшки Якова товару всякого. Мне кажется, что это абсолютно неправильно и неверно. (Голоса: «Кто так говорит?») Многие так говорят. Я думаю, товарищи, что в вопросе о госкапитализме, т.-е., по-моему, в коренном вопросе, который у нас встал не со вчерашнего только дня, который толкует о структуре экономики нашей страны,—что как раз в этом основном вопросе нам нет никаких оснований в чем бы то ни было менять позицию, в чем бы то ни было «дополнять», «совершенствовать», «улучшать», «поправлять» Ленина.

Что бесспорно в этом вопросе о госкапитализме?

Бесспорно, по-моему,—и как-будто все это признают,— указание Ленина на существование пяти хозяйственных укладов в нашей республике: патриархального, мелкотоварного, частнохозяйственного, госкапиталистического и социалистического. Это указание Ленина вы все помните, и мы все его повторяем. Оно бесспорно.

Во-вторых, бесспорно то, что наша еспромышленность, как выразился Владимир Ильич, есть предприятия «последовательно-социалистического типа». Я дальше еще буду говорить о том, что отсюда отнюдь не вытекает, будто на этих предприятиях у ж е господствует п о л н ы й социализм.

Что далее бесспорно? Бесспорно, по-моему, в-третьих, то, что наиболее ясным примером госкапитализма Владимир Ильич считает концессии и аренду. Они представляют наиболее ясный пример, как он говорил, госкапитализма в чистом виде.

Вот эти три вещи бесспорны.

А что спорно, или что хотят сделать спорным теперь? Спорно то, что госкапитализм будто бы сводится только к концессиям и аренде. Это положение неверно. Это есть ревизия ленинизма. Это есть идеализация нэпа, идеализация капитализма. При этом забывают такую «мелочь», как свобода торговли, как существующая у нас форма распределения и потребления, как неизбежное нарастание капитализма из индивидуального крестьянского хозяйства. Вот действительно область спорная между нами.

Конечно, госкапитализм не отделен от социализма китайской стеной. Владимир Ильич в одном месте говорит, что госкапитализм, это — «три четверти социализма». Поэтому надо постоянно иметь в виду и это замечание. Некоторые пытаются представить дело так, будто бы я, грешный человек, выдумал совсем недавно,

что у нас преобладает система госкапитализма, что госкапитализм — самое характерное, самое основное в нашем строе, что это есть неправильная постановка вопроса, что этого никогда не было сказано у Владимира Ильича.

Тут уж позвольте мне, товарищи, выступить в роли начетчика, обратиться к «ветхому завету» и несколько остановиться на тех определениях, которые давал в этом вопросе Владимир Ильич. Я возьму немногое из сказанного по этому поводу Ильичем и приведу эти выдержки в хронологическом порядке. Отсылаю вас в целом в книжке «Ленин о госкапитализме», которая, вероятно, роздана или будет роздана вам на-днях. Книжка содержит только материалы, только подбор того, что сказано Владимиром Ильичем о госкапитализме. Вот первая речь его о продналоге на собрании московских ответственных работников в апреле 1921 года. Там сказано так:

> «И я говорю: при таких условиях госкапитализм — что это такое? Это будет об'единение мелкого производства. Капитал об'единяет мелкое производство, капитал вырастает из мелкого производства. На этот счет нечего закрывать глаза. Конечно, свобода торговли означает рост капитализма; из этого никак вывернуться нельзя, и кто вздумает вывертываться и отмахиваться, тот только тешит себя словами. Если есть мелкое хозяйство, если есть свобода обмена, — появляется капитализм».

Дальше идет оценка всего нэпа:

> «Политическая обстановка весной 1921 года, — писал Владимир Ильич, — показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позиции госкапитализма, перейти от штурма к осаде».

Весной 1921 года, характеризуя тогдашнее положение, он писал, что вся политическая обстановка показала нам, что «неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступать на позиции государственного капитализма, перейти от «штурма» к «осаде»[1]. Здесь дело шло не о том, чтобы сдать полторы-две концессии, или сдать несколько предприятий в аренду, дело шло обо всем маневре, который известен под именем нэпа.

«Задача перехода к нэпу в том и состоит, что после попыток непосредственного социалистического строительства в условиях, трудных условиях гражданской войны, в условиях, когда буржуазия навязывала формы жесточайшей борьбы, перед нами весной 1921 г. стало ясное положение: не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму, не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений. Вот что необходимо для того, чтобы подойти к решению экономического вопроса, т.-е. обеспечения экономического перехода к основам социализма».

И, наконец:

«Теперь я возвращаюсь к развитию своей основной мысли. Этот весенний переход к новой экономической политике, это наше отступление к приемам, к способам, к методам деятельности государственного капитализма — оказалось ли оно достаточным, чтобы мы, приостановив отступление, стали уже готовиться к наступлению? Нет, оно оказалось еще недостаточным»[2].

---

[1] Н. Ленин. Речь на московской губернской партийной конференции 1921 г., т. XVIII, ч. 1, стр. 396.

[2] То же, т. XVIII, ч. 1, стр. 396—397.

Мне кажется, товарищи, что из этих характеристик, из того, что Ленин говорил в самом начале нэпа, явствует, что для него вопрос о госкапитализме был не вопросом о полуторах или двух концессиях или арендных договорах, а что для него это был главный, обширнейший вопрос, теснейшим образом связанный с пятью хозяйственными укладами, теснейшим образом связанный с экономической структурой нашей страны. Вы найдете у Владимира Ильича не раз заявление о «строе» государственного капитализма.

Возьмемте хотя бы последнюю статью о кооперации, которую теперь пытаются часто противопоставлять тому, что Владимир Ильич говорил раньше о госкапитализме; в ней он писал:

> «. . . Всегда, когда я писал о новой экономической политике, я цитировал свою статью 1919 года о государственном капитализме. Это вызывало не раз сомнения некоторых молодых товарищей. Но их сомнения направлялись преимущественно по адресу абстрактно-политическому.
>
> Им казалось, что нельзя называть государственным капитализмом тот строй (заметьте: тот строй!), при котором средства производства принадлежат рабочему классу и этому рабочему классу принадлежит государственная власть. Однако, они не замечали, что у меня название «государственный капитализм» употреблялось, во-первых, для исторической связи нашей теперешней позиции с позицией в моей полемике против так называемых левых коммунистов, а также я уже тогда доказывал, что государственный капитализм был бы выше нашей современной экономики; для меня важно было установить преемственную связь обычного государственного капитализма с тем необычным, даже совсем не-

обычным государственным капитализмом, о котором я говорил, вводя читателя в новую экономическую политику»[1].

Я повторяю определение Владимира Ильича. Он спорит против тех, кто считает, будто «нельзя назвать государственным капитализмом тот строй, при котором средства производства принадлежат рабочему классу».

И в другом месте Владимир Ильич говорит:

> «Оживление экономической жизни, — а это нам нужно во что бы то ни стало, — повышение производительности, что нам также нужно во что бы то ни стало, — все это мы уже начали получать посредством частичного возврата к системе (заметьте: системе!) государственного капитализма»[2].

В ноябре 1922 года, в одной из своих последних речей, на IV конгрессе Коминтерна, за несколько недель до статьи «О кооперации», Владимир Ильич говорил:

> «Я поставил себе тогда задачу раз'яснить, в каком отношении друг к другу находятся эти элементы, и не следует ли один из несоциалистических элементов, именно государственный капитализм, расценивать выше, чем социализм. Я повторяю: это всем кажется странным, что несоциалистический элемент оценивается выше, чем социализм, в республике, которая назвала себя социалистической. Но это недоумение раз'яснится, если вы вспомните, что мы не рассматривали хозяйственный строй России, как нечто однородное и высокоразвитое, а в полной мере сознавали, что имеем в России патриархальное земледелие, т.-е. наиболее примитивную форму земледелия, на-ряду с формой социалистической»[3].

---

[1] Н. Ленин. О кооперации, т. XVIII, ч. 2, стр. 142—143.
[2] Н. Ленин. Речь на московской губернской партийной конференции, т. XVIII, ч. 1, стр. 397.
[3] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 88.

Это Владимир Ильич говорил перед IV конгрессом Коминтерна в одной из последних своих речей, за несколько недель до того, как им была написана статья «О кооперации».

Я бы мог удесятерить количество подобных выдержек из Ленина, но не буду этого делать в докладе. Вы найдете эти выдержки в книжке «Ленин о государственном капитализме», о которой я раньше упоминал. Нет ни малейшей возможности отрицать, что именно так смотрел на государственный капитализм Владимир Ильич, и нет ни малейшего основания усомниться в том, что спор по этой линии против него вел тов. Бухарин, начиная с 1918 года и продолжая его и поныне. Однако, в последнее время дело приняло такой оборот: вопрос о свободе торговли, о роли капитализма вообще оставлен в стороне, а весь спор сосредоточен на утверждении такого рода: дескать, вы (т. е. мы, несогласные с т. Бухариным в этом вопросе) заявляете, что наша государственная промышленность есть государственный капитализм или просто капитализм, что на наших госпредприятиях есть эксплоатация рабочих и т. п.

Товарищи, я позволю себе обратиться тут к одной статье тов. Бухарина, написанной им 8 февраля 1922 года. Накануне XI с'езда нашей партии, когда подготовлялись тезисы Ленина о профсоюзах, в специальном номере «Правды», посвященном этим тезисам, тов. Бухарин поместил статью на тему «Хозяйственные формы в Советской России». Первые же строки этой статьи говорят: «Складывающаяся у нас система хозяйственных отношений обозначается обычно термином государственный капитализм».

Кем обозначается? Рабом божьим Зиновьевым? Нет, тов. Лениным обозначается. Так писал т. Буха-

рин 8 февраля 1922 года в связи с тезисами Владимира Ильича о профсоюзах. Дальше тов. Бухарин говорит: «Между тем хозяйственные отношения у нас настолько сложны, что они не укладываются в какое-нибудь одно понятие». Он спорит против этого термина открыто. Первые его строки начинались с констатирования факта, что складывающаяся в нашей стране система хозяйственных отношений, а не только концессии или аренда, у нас обычно обозначается термином «государственный капитализм». Это было весной 1922 года.

Вопросу о государственной промышленности тов. Бухарин посвящает в этой статье целый раздел.

Он ставит вопрос так:

«Предприятия пролетарского государства. Сюда относятся предприятия, национализированные пролетарским государством. Это — государственная монополия. Однако, это вовсе не государственно-капиталистическая монополия, ибо при государственно-капиталистической монополии собственником предприятия является буржуазия, «конституировавшаяся как государственная власть» (Маркс). У нас же собственником национализированных предприятий является рабочий класс, а так как характеристика способов производства определяется именно отношениями собственности, то совершенно ясно, что термин «государственно-капиталистическое предприятие» отнюдь не приложим к предприятию, принадлежащему рабочему государству». Слушайте дальше:

«С другой стороны, — говорит т. Бухарин, — такое предприятие еще не является социалистической производственной единицей в строгом смысле этого слова, ибо понятие социалистического хозяйства предполагает строго проводимую планомер-

ность всего хозяйственного процесса, тогда как у нас, в особенности при условиях новой экономической политики, момент планомерности отступает далеко на задний план перед моментом приспособления к рыночной кон'юнктуре».

Итак, тов. Бухарин констатировал в этой статье следующее: во-первых, что у нас обычно наша система хозяйственных отношений называется «государственный капитализм». Это было при Владимире Ильиче. Во-вторых, он лично не соглашается с этим. В-третьих, предприятия пролетарского государства он не считает государственно-капиталистическими, но тут же добавляет, что они не являются социалистическими в строгом смысле этого слова. Последнее замечание особенно важно, так как теперь наималейшая оговорка о том, что наши предприятия, будучи предприятиями последовательно-социалистического типа, в то же время, однако, не являются уже вполне, на все сто процентов, социалистическими, что надо видеть связь наших национализированных предприятияй со стихией рынка, с 22 миллионами индивидуальных хозяйств, вызывает горячие нападки, вызывает самые тяжкие обвинения.

Такие указания теперь рассматривают, как вы знаете, не более и не менее, как «ликвидаторство», «безверие», «пораженчество» и т. д. Вот почему, товарищи, я счел нужным напомнить вам об этом «ликвидаторском» заявлении самого т. Бухарина.

Тов. Бухарин в своей статье, переходя к вопросу о предприятиях смешанного типа, пишет:

«Совершенно ясно, что такого типа смешанные предприятия не являются государственно-капиталистическими предприятиями и в то же время не являются чисто пролетарскими предприятиями».

Теперь все как будто склонны признавать смешанные общества предприятиями государственно-капиталистическими. Но тов. Бухарин оспаривал это положение. На этих примерах вы можете видеть, кто отступает, кто путает, кто навязывает неправильную точку зрения, которая раньше была индивидуальной, но которую сейчас хотят сделать точкой партии. Тов. Ленин на XI с'езде, через несколько дней после этой статьи т. Бухарина, говорил: «Жаль, что на с'езде нет т. Бухарина (не знаю, почему не было тов. Бухарина, вероятно, он отсутствовал по болезни) (Бухарин: «Я был в Берлине»), хотелось мне с ним немного поспорить, но лучше подожду до следующего с'езда. По вопросу о госкапитализме наша пресса, вообще наша партия, делает ту ошибку, что мы впадаем в интеллигентщину, в либерализм, мудрим насчет того, как понимать госкапитализм, и заглядываем в старые книги».

Тов, Ленин поспорил на этом с'езде не с тов. Бухариным, а с тов. Преображенским, который в основном защищал ту же точку зрения. Этот спор достаточно всем вам известен, не буду его здесь напоминать.

Вот как обстояло дело. Вот почему приобретает такое большое значение заявление Н. И. Бухарина весной нынешнего 1925 года, — заявление, которое, кажется, стало уже достаточно популярным из его статьи в «Красной Нови» (май 1925 г.), где он открыто говорит, что по двум вопросам из всех тех, по которым он спорил с Вл. Ильичем, он не согласен с ним до сих пор — по вопросу о пролетарской культуре и по вопросу о госкапитализме.

> «Надо сказать, впрочем, — продолжает тов. Бухарин, — что в вопросе о государственном капитализме Владимир Ильич сам расшифровал свою по-

зицию в своих последних статьях о кооперации. Раньше у него, у Ленина, выходило так, что нет никакого социализма, что есть маленький островочек социализма, а все остальное — государственный капитализм, и даже островочек этот затерялся».

У кого не сведены здесь концы с концами? Тов. Ленин-де расшифровал, и вышло почти что по Бухарину. Во-первых, я вам читал, что именно «расшифровал» Вл. Ильич. Он продолжает говорить о строе государственного капитализма. Во-вторых, если Владимир Ильич расшифровал, и так расшифровал, что во всем будто согласился с тобой, Бухариным, то почему ты, тов. Бухарин, заявляешь, что не согласен с ним до сих пор. Как мы можем поверить, что у Ильича якобы «выходило так, что нет никакого социализма, что есть маленький островочек социализма, а все остальное — государственный капитализм, и даже островочек этот затерялся».

Если кто-нибудь по нынешним временам сказал бы что-либо такое про «островочек», то его не только пессимистом обложили бы, а уж не знаю, какое словечко нашли бы для него. Оказывается, Ильич был пессимистом. Нет совершенно иного выбора, — тут две точки зрения: или — точка зрения т. Бухарина, или — точка зрения тов. Ленина. Тов. Бухарин имел право защищать свою точку зрения, и он защищал ее. Вл. Ильич имел право крыть и крыл его. Партия становилась на точку зрения В. И. Теперь, когда В. И. нет, и Бухарин хочет свою точку зрения навязать партии, долг каждого из нас, здесь сидящих, тех, кто остается на позиции В. И., сказать: а вот В. И. думал так-то, и, по-нашему, он был прав. Если по этому поводу будут кричать о пораженчестве, ликвидаторстве,

безверии и т. д., — пусть кричат сколько угодно. Не думайте, что можно кого-либо в нашей партии этим запугать. Бросьте такие мысли, не запугаете никого.

Тов. Бухарин говорил в своей речи на московской конференции: если мы допустим мысль, что национализированные предприятия являются государственно-капиталистическими предприятиями, если мы это скажем прямо, то как мы можем повести кампанию по поднятию производительности труда? Рабочие не станут тогда поднимать производительности труда на фабриках, которые не являются чисто социалистическими. Вот где действительно настоящий пессимизм. Но был еще больший пессимизм в словах нашего уважаемого председателя Алексея Ивановича Рыкова, когда он в своей речи на краснопресненском активе недавно сказал:

> «Я не чувствовал, к сожалению, ни на одном рабочем собрании, чтобы рабочий класс действительно осязал, что вот он дожил до того момента, когда начинают закладывать первые кирпичи нового социалистического общества» [1].

Я думаю, что здесь-то и кроется пессимизм. Рабочие отлично чувствуют начало великого строительства.

Вот, говорят, есть такой провинциальный город Ленинград, в котором очень много «пораженцев». Я думаю, там вы моментально почувствовали бы, что рабочие ни капельки не сомневаются насчет того, что дожили до того момента, когда мы начинаем закладывать первые кирпичи социалистического строя. Возьмем, например, хотя бы такую «мелочь», как производ-

---

[1] А. И. Рыков. «Перед новыми задачами». Изд. «Московский Рабочий», 1926 г., стр. 42.

ственные совещания, имеющие непосредственное и огромное отношение к вопросу о поднятии производительности труда. В Ленинграде они развиты, как нигде. Во всяком случае, вы не будете, товарищи, отрицать, что в вопросе о производственных совещаниях ленинградские предприятия не отстали от других, несмотря на то, что именно ленинградскому руководству приписывают всякие пессимистические взгляды на характер нашего производства.

Рабочие — не дети, рабочим не надо подносить ничего сусального, позолоченного, убаюкивающего, они прекрасно знают сильные и слабые стороны нашего хозяйства и в частности нашей государственной промышленности. Они прекрасно знают, что наши советские фабрики и заводы в основном — предприятия последовательно-социалистического типа. Об этом мы не спорим. Они отдают себе отчет в том, что мы завоевали эти предприятия, что мы изгнали оттуда эксплоататоров, что наши фабрики и заводы работают на рабочий класс, что мы там имеем основные предпосылки для того, чтобы строить и построить социализм. Но они вместе с тем превосходно знают, что их фабрика связана с рынком. Они знают все теневые стороны, всю отсталость нашей техники, они знают отсталость формы нашей зарплаты, ее невысокий сравнительно уровень, и они берут дело так, как оно есть. Они достаточно хорошо знают, как все обстоит вокруг нас, чтобы не надо было подслащивать, подсахаривать действительного положения вещей. Смотрите смело правде в лицо. И будьте убеждены: рабочий поймет, что вся наша промышленность принадлежит рабочему классу, что он на своей фабрике должен работать так, как надо работать для своего класса, так, как надо работать подлинным строителям социализма.

Итак, товарищи, я думаю, что бесспорным является то, что Ленин говорил о пяти укладах, и бесспорно то, что наша государственная промышленность, это — предприятия последовательно-социалистического типа, но не вполне еще социалистические, как признавал это и тов. Бухарин весной 1922 года, и, наконец, бесспорно то, что наиболее простым и ярким примером государственного капитализма в такой стране, как наша, являются концессии и аренда. Но столь же бесспорным для нас должно быть и то, что этим не исчерпывается государственный капитализм, что нельзя забывать о свободной торговле, о ее формах, о планировании и распределении, о возрастании капитализма из индивидуальных хозяйств. Нельзя забывать, что все это, поскольку оно подчинено контролю государства, — все это Владимир Ильич называл государственным капитализмом, называл условно, добавляя что это — своеобразный государственный капитализм, радикально отличающейся от государственного капитализма буржуазных стран, что он подчинен и ограничивается рабочим классом, пролетарским государством. Но вместе с тем Владимир Ильич говорил: для того, чтобы рабочие ясно видели, что капитализм у нас есть, для этого не нужно идеализировать и замазывать действительность.

Здесь спор не терминологический, ибо вокруг Бухарина теперь создается целая «школа», пытающаяся затушевать действительность и отступить от классовой точки зрения. Иначе, можно было бы поспорить в книжках, как советовал Владимир Ильич делать иногда, когда затрогивались вопросы чисто академические. Но мне кажется, спор возгорелся тут не случайно, ибо это теснейшим образом связано с политикой, с тем, что эта «школа» или «школка» хочет поставить дело так, что вопрос: «кто — кого», капитализм — социализм

или социализм — капитализм? — что этот вопрос у нас уже будто бы решен, что он снят с очереди. Эта «школа» замазывает классовую борьбу, замазывает действительные столкновения между элементами социалистическими и капиталистическими в нашей стране, и она пытается терроризовать всякого, кто указывает на ее извращения и искажения основ ленинизма, превращая таковых в пораженцев, ликвидаторов и т. п.

В этом споре затронут серьезнейший политический вопрос. Замазывать то, что у нас есть, подсахаривать нэп, попытку об'явить нэп социализмом — этого ни в коем случае нельзя допустить. Я думаю, что здесь партия целиком должна будет остаться на точке зрения Владимира Ильича; достаточно известна открытая борьба тов. Ленина и тов. Бухарина в этом вопросе, достаточно ясна вся действительность, достаточно благоприятны для социалистического строительства итоги первого пятилетия нэпа, но вместе с тем капитализм у нас есть, государственный капитализм у нас налицо. Об этом надо сказать прямо рабочим, а если не скажем, то они поймут это, как глубокую фальшь, и будут правы. Только с этой точки зрения и нужно оценить подлинный удельный вес поднятого нашей печатью шума по поводу того, что кто-то пересматривает Владимира Ильича и кто-то является ликвидатором и пораженцем. Это — серьезнейший политический вопрос, мимо которого пройти нельзя, и никому не удастся так скоро пересмотреть ленинизм в этой области.

Перехожу к вопросу о крестьянстве и к вопросу о середняке в первую очередь. И тут, товарищи, я должен начать с того, что, может быть, и не нравится и кое-кому покажется преувеличением. Кто не хочет сказать по-ленински

всю правду о кулаке, тот неизбежно должен своего соседа упрекать в недооценке середняка. В этом гвоздь всего нашего спора. В самом деле, у нас есть часть товарищей, у которых настроение такое, что если ты мне не докажешь, что у нас есть 110% середняка, то тогда вопрос социалистического строительства не на мази, и неизвестно, что с нами будет. Возьмите, например, Пешехонова, который просится к нам: если б он был в России и вздумал бороться против нас, то какими методами? Вы думаете, что он сказал бы прямо, что он за кулака? Нет, он стал бы обвинять нас в том, что мы недооцениваем середняка.

Вы знаете, что меня, грешного, обвиняли в том, что я забыл о середняке.

Я знаю, что сейчас в партии гуляют всякого рода слухи: и батрацкие, и бедняцкие уклоны, и каких только уклонов не приписывают нам. Тут вы нас не запугаете, мы партии скажем то, что мы думаем, и партия нам скажет.

Конечно, не особенно удобно цитировать самого себя, но поскольку тут делается определенное нападение, никакого выбора нет, тем более, что те выступления, из которых я приведу цитаты, делались мною не лично от себя, а в большинстве случаев, — вероятно, на 100% — по поручению партии.

Позвольте вам напомнить только несколько таких заявлений. Начну с 1918 года.

В ноябре 1918 г. (еще до VIII с'езда партии, где мы приняли всем известную резолюцию о крестьянстве) ЦК партии дал мне поручение сделать доклад об упразднении комитетов деревенской бедноты. Я цитирую по тогдашней стенограмме мой доклад. В этом докладе я выступал против тех, кто хотели организо-

вать только деревенскую бедноту, деревенский пролетариат, и не хотели видеть, что у нас есть

«средний крестьянин, который является многочисленной прослойкой деревни и который нам крайне нужен, и, следовательно, отбрасывать его в сторону наших врагов мы не должны... С одной стороны — маленькие кучки бывших кулаков... С другой стороны — вся деревня. Вот центр нашей работы»[1].

Я не думаю, товарищи, чтобы здесь была какая-нибудь особая заслуга. Каждый большевик мог это сказать в 1918 г., но все-таки, если мне говорят, что теперь, в 1925 году, я забыл середняка, теперь, когда вся обстановка неизмерима более ясна, чем в 1918 году, то позвольте мне в интересах самозащиты напомнить, что в ноябре 1918 г. мы это умели сказать от имени партии.

Позвольте мне, товарищи, также напомнить вам еще слова, которыми мы закрывали XIII с'езд партии. Мы сказали:

«Интерес нашей партии заключается именно в том, чтобы организовать, с одной стороны, батрака и маломощного и, с другой — привлечь на их сторону лучшую часть середняков против кулака»[1].

Позвольте мне, товарищи, напомнить, наконец, еще только одно заявление, сделанное мною в своем докладе на предыдущей ленинградской конференции в январе 1925 г. и имеющееся в брошюре под названием «О необходимости трех „перестраховок“».

---

[1] Стеногр. отчет, изд. ВЦИК, стр. 90.

[2] XIII с'езд РКП. Стенограф. отчет, изд. «Красная Новь», стр. 624.

Я тогда говорил:

«Сейчас у нас середняк часто еще похож на бедняка. У нас положение такое, что к нему на местах бывают иногда слишком строги. Бывают факты, когда наш середняк не хочет употребить весь навоз на удобрение, потому что говорит себе: не знаю, будет ли эта земля у меня и впредь, да как взглянут на меня, если я оправлюсь хозяйственно. Иногда так и бывает: если он мало-мальски оправился, то его чуть ли не лишают избирательных прав...

Не нужно бояться того, что середняк будет сытно есть; если он сыт, — это еще не значит, что он кулак. Нужно различать, нужно диференцировать, как учил Владимир Ильич. Конечно, надо всячески обрезывать кулака, но не задевать при этом подлинного середняка, с которым нам нужен союз»[1].

Когда между этими датами успел я отречься от необходимости союза со середняком? Неужели кто-нибудь всерьез может этому поверить? Я думаю, товарищи, никто всерьез этому поверить не сможет.

Итак, товарищи, по вопросу о крестьянстве я уже показал, что в вопросе о середняке нам довелось защищать точку зрения, общепринятую нашей партией. Мне хотелось бы еще дать маленький исторический очерк развития нашей политики по отношению к крестьянству в пореволюционный период. Тут три основных этапа. Их изложил самым наилучшим образом Владимир Ильич. В книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский» он писал:

«Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. Сначала вместе со «всем»

---

[1] Г. Зиновьев. «О необходимости трех «перестраховок», изд. «Прибой», 1925 г., стр. 30—33.

крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится социалистической»[1].

Если быть очень строгим критиком из школы красной профессуры, можно сказать, что Ильич «забыл середняка», потому что здесь никакого середняка нет. Сначала, говорит, вместе со всем крестьянством в буржуазно-демократической революции, — правда, «всем» взято в кавычки, имеется в виду основная масса крестьянства, — и затем в союзе с крестьянской беднотой, полупролетариатом и всеми эксплоатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских кулаков, и тогда мы проведем социалистическую революцию и социалистический переворот в деревне. Но, конечно, Ильич не забыл середняка.

Когда был поставлен и в какой обстановке вопрос о нейтрализации середняка? С начала буржуазно-демократической революции, когда мы вовлекли в революционное движение всю основную массу крестьянства против помещиков, тогда дело не шло о нейтрализации середняка, ибо даже некоторая часть кулаков в то время шла за нами. Когда же можно было говорить о нейтрализации? В тот момент, когда мы раскололи деревню и привлекли пролетариев и полупролетариев деревни на свою сторону; когда начиналась гражданская

---

[1] Н. Ленин, т. XV, «Пролетарская революция и ренегат Каутский», стр. 508.

война внутри деревни, когда переходили к социалистическому перевороту внутри деревни, когда в деревне господствовали комбедовские методы работы, — тогда можно было для начала довольствоваться нейтрализацией. Это — второй этап, и третий — это на VIII партс'езде, когда Ильич во весь рост поставил вопрос о середняке; там говорилось уже не о нейтрализации, а о необходимости т е с н о г о и п р о ч н о г о с о ю з а с с е р е д н я к о м для хозяйственного строительства и хозяйственного союза с ним. Вот те три основных этапа в нашей крестьянской политике, и никто не претендует на то, чтобы их пересмотреть. В резолюции II всемирного конгресса Владимир Ильич разобрал роль крестьянства до пролетарской революции, во время революции и после. Поскольку говорилось на первые две темы — до пролетарской революции и во время пролетарской революции, все это было сказано для партий западно-европейских и восточных, для тех партий, где у власти еще капитал. Поскольку дело шло о задачах после завоевания власти, постольку он говорил и о нас. Ничего другого нам не нужно, и никто не претендует на какие-либо новшества в этом вопросе.

Иногда думают, что разногласия или ошибки мои и других товарищей начались со времени XIV конференции. Дескать, вы были несогласны с XIV конференцией, на октябрьском пленуме была попытка сорвать решения XIV конференции, эта попытка так или иначе продолжается. Вот где, якобы, действительно корни разногласий. Это абсолютно неверно. С р е ш е н и я м и XIV к о н ф е р е н ц и и м ы б ы л и и о с т а е м с я с о в е р ш е н н о с о г л а с н ы. Решения эти совершенно правильны. Лозунг о развитии производительных сил в деревне верен. Более того, в вопросе о необходимости некоторых уступок верхушке деревни, относи-

тельно аренды и наемного труда, мы целиком солидарны с тем решением, которое вынесено XIV партконференцией.

С нашей стороны не было и нет ни малейших попыток сорвать эти решения, потому что они правильны. Они предвидели нарастание капитализма в деревне. Для того, чтобы не быть голословным, придется сослаться и тут на самого себя, на доклад, который я делал по поручению Центрального Комитета партии об итогах XIV всесоюзной партийной конференции на фракции С'ездов Советов.

Можт быть, многие из вас слышали этот доклад, он вышел затем отдельной брошюрой. Нынешних споров тогда еще не было, доклад читался по свежим следам XIV партийной конференции, назавтра после ее закрытия, когда подводились еще первые итоги ее. Каковы были итоги? Мы сказали:

> «Можно было бы условно сказать, что у нас есть два главных внутренних и два главных внешних фронта . . . .
>
> . . . Как обстоит дело в данный момент на этих четырех фронтах? На фронте промышленности наше наступление по всей линии развивается все более и более бурно, с могучим устремлением вперед. На фронте сельского хозяйства мы допускаем частичное отступление (о котором я буду еще говорить при общем перевесе наших сил. Я думаю, что наши постановления относительно земельной аренды и применения наемного труда в земледелии содержат в себе элементы отступления (мы после поясним подробно, в каком смысле), которое, однако, сопровождается выравниванием фронта для

продолжения наступления в экономической области и в деревне»[1].

По поводу этого термина «отступление» я должен здесь сделать маленькую оговорку. Я заметил, что слово «отступление» некоторым товарищам кажется неправильным и вызывает с их стороны обвинение в отступленчестве, — вот, мол, говорят, человек полюбил отступление. Я должен совершенно официально сообщить, что перед этим докладом я ставил в руководящем коллективе ЦК вопрос о том, должно ли употреблять слово «отступление» в связи с этими двумя уступками. Мне было поручено, при одном или двух голосах против, и то не особенно настаивавших на своем, но считавших лишь, что нецелесообразно употреблять это слово. Большинство же было солидарно, что это слово надо сказать, что оно будет верно, что нельзя этого факта скрывать. Вот почему, если говорят, что слово «отступление» было употреблено неправильно, что оно свидетельствует об отступленчестве, я должен категорически заявить, что оно принадлежит не лично мне, а большинству членов Политбюро.

Я продолжаю цитату:

«Это уже не то отступление, о котором говорил т. Ленин в 1921 г. Тогда мы совершали ставшее необходимым отступление по всей линии с тем, чтобы потом остановиться и произвести перегруппировку сил.

Теперь совсем другое. В общем мы наступаем, и лишь на отдельном участке фронта мы должны допустить частичный отход, чтобы выравнять линию.

---

[1] Г. Зиновьев. «Важнейшие черты современного периода». Изд. «Прибой», 1925, стр. 20.

Разве не бывает на войне такой обстановки, когда армия, даже имеющая перевес над другой, вынуждена бывает допускать частичный отход на том или другом участке? Бывает! То частичное отступление, которое мы сейчас допускаем на одном из участков, целиком вытекает из главного отступления 1921 г., которое было необходимо, неизбежно и полезно нам. Оно логически связано с нэпом в целом. Мы хотим выравнять фронт, между прочим, для того, чтобы лучше обойти противника—кулака. Конечно, обходное движение имеет свои опасности. Сколько раз говорилось о том, что всякий совершающий обход рискует сам быть обойденным. Это мы должны помнить и теперь. Но, товарищи, волка бояться, — в лес не ходить. Весь нэп нам показал, что мы умеем обходить противника без того, чтобы быть обойденными. Такой обход мы сейчас должны умело совершить»[1].

Вот как мы об'яснили смысл резолюции XIV конференции назавтра после нее.

Перефразируя Ленина, я дал тогда следующую характеристику нэпу:

> «Нэп есть построение социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянского населения».

И дальше я указывал:

> «И важнейший вопрос, из которого мы должны исходить при оценке принятых нами решений, заключается в том, чтобы выяснить, действительно ли эти решения вытекают из особенностей преобладания мелкого крестьянства в нашем населении, и действительно ли они продвигают нас дальше по

[1] Г. Зиновьев. «Важнейшие черты современного периода». Изд. «Прибой», 1925, стр. 20—21.

пути строительства социализма, или уводят с этого пути? Вопрос стоит не так: построили ли мы уже социализм, или не построили (ясно, что пока еще не построили), а суть его заключается в том, удерживаем ли мы подступы, пути к социализму в обстановке преобладания мелкого и мельчайшего крестьянства, в обстановке, из которой мы вырваться не можем. Только так должны мы подойти к нынешним решениям»[1].

Вот какое толкование давали мы резолюциям XIV конференции по свежим следам ее.

Было ли тогда другое толкование? В том-то и дело, что было, и вот здесь начинается у нас расхождение. Другое толкование было незадолго до XIV конференции, и немедленно после нее, и во время самой XIV конференции. Другое толкование, это есть то, что мы оспариваем. Мы не оспариваем постановлений ЦК, но мы оспариваем решительно и будем до конца оспаривать другое толкование XIV конференции, которое мы считаем неправильным.

Другое толкование связано прежде всего с лозунгом «обогащайтесь». Оно теснейшим образом связано с этим лозунгом, который был высказан, если не ошибаюсь, незадолго до конференции, и который стали развивать особенно подробно после конференции. (Голос с мест: «А богатеющая деревня»?). Тот, кто не понимает разницы между необходимостью богатеющей деревни и лозунгом «обогащайтесь», тот трудно разбирается в элементарных для большевика вещах. Я не буду здесь раз'яснять эту разницу. Ее понять нетрудно. А между тем лозунг «обогащайтесь»,— лозунг этот был и остается неправильным. Он шесть

---

[1] Г. Зиновьев. «Важнейшие черты современного периода». Изд. «Прибой», 1925, стр. 23—24.

месяцев гулял по нашей стране. Его пыталась поправить статья Н. К. Крупской, которая не была напечатана. Когда вы прочтете эту статью, вы увидите, что ничего ужасного, полемического или резкого в ней нет. Лозунг «обогащайтесь» стали потом еще больше развивать, всячески распространять и популяризовать. И этому немало содействовало неправильное представление обо всей нашей политике в деревне.

Вслед за лозунгом «обогащайтесь» стали появляться и другие неправильные вещи рядом с ним. Тогда же была придумана версия, будто у Ленина было два стратегических плана — один в 1921 году и другой — в 1923 году. В «Большевике» Бухарин писал про Ленина:

«Нам кажется, что, когда мы переходили к новой экономической политике, у тов. Ленина был при разрешении этой проблемы один стратегический план, а когда он писал свою статью о кооперации, т.-е. оставлял нам последнее завещание, в смысле основ экономической политики, у него был другой стратегический план. Эти оба плана не есть абсолютная противоположность, они, конечно, связаны друг с другом.

...Этот первый стратегический план совершенно ясен. Нам нужно достигнуть социализма, т.-е. планового хозяйства,—это есть наш идеал. Нам нужно сделать целый ряд уступок крестьянскому хозяйству, потому что крестьянин на нас напирает. Но мелкобуржуазная стихия — наш главный враг, мы должны ее преодолеть в союзе с крупным капиталистическим союзником—концессионным капиталом, государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии. Кооперация в этом плане определяется как важнейшее звено государственного ка-

питализма, потому что кооперация, это есть такое звено, которое в первую очередь помогает капиталистическим элементам, кулацким элементам деревни. Но это не страшно. Мы припаяем эти элементы посредством кооперации к системе нашего государственного капитализма, регулируемого диктатурой пролетариата, и таким образом в состоянии будем, держа блок с этими капиталистическими элементами, преодолевать многочисленные миллионные атомы мелкобуржуазной стихии. Таков был этот план.

Если мы сравним теперь только что изложенное с тем, что было написано в последней статье Владимира Ильича о кооперации, то мы увидим совершенно другой план. В первых строках этой статьи дается ряд пояснений о государственном капитализме. Насчет кооперации там уже не говорится, что это — звено государственного капитализма»[1].

Я позволю себе тут еще на минуту вернуться к первой части своего доклада. Эта работа тов. Бухарина о двух стратегических планах неверна. Он мимоходом говорит о «системе» госкапитализма у Ленина, когда он хотел припаять, между прочим, элементы кооперации. Но это — мимоходом.

Один план будто бы был у Ленина в 1921 году, а другой — в 1923 году. И этот план 1923 года рисуется так, что он близко подходит к лозунгу «обогащайтесь» или к лозунгу врастание кулака в социализм. В той же статье, трактующей о двух планах, он писал:

«...Если у нас нет банков, а создается мелкобуржуазная кооперация, то она нас давит. А если

---

[1] Н. Бухарин. «О новой экономической политике и наших задачах». «Большевик», № 8, стр. 10—14.

у нас есть банки, то она от нас *зависит*; мы ее кредитуем; если мы ходим голенькими, то кулак нас побеждает экономически, а если он является вкладчиком наших банков, он нас не победит. Мы ему оказываем помощь, но и он нам. В конце концов, может быть, и внук кулака скажет нам спасибо, что мы с ним так обошлись» [1].

Вот и подождем, пока внук или внучка кулака подрастут и разберут этот спор. Подумайте, что означает такое заявление. Мы все знаем тов. Бухарина. Кому бы могло притти в голову год тому назад, что именно он, тов. Бухарин, в надежде на то, что внуки кулака его поблагодарят, скажет: «обогащайтесь».

Никто бы этому не поверил. И именно потому, товарищи, что эти слова принадлежат такому выдающемуся деятелю нашей партии, как т. Бухарин,—именно это доказывает, что эти идеи носятся в воздухе и ищут проводников, находя их в самых неожиданных местах, где меньше всего, казалось бы, они должны встречать себе сочувствие. Вот где начинается попытка второго истолкования решений XIV партконференции. И она продолжается дальше.

Слепков, ученик т. Бухарина, выдвинул лозунг «расширения нэпа в деревне». Была и такая попытка истолкования решений XIV конференции, — попытка явно неправильная. Я говорил, что расширение нэпа в деревне означает и расширение нэпа в городе.

Расширение нэпа в деревне в таком истолковании— это без пяти минут нэо-нэп, который подсовывают нам противники. Может быть, вы думаете, что только я «придираюсь» к этому. Ломинадзе, далеко не симпати-

---

[1] Н. *Бухарин*. «О новой экономической политике и наших задачах». «Большевик», № 8, стр. 10—14.

зирующий теперешним руководителям ленинградской организации, хотел выступить против подобных теорий. Прочитав статью т. Слепкова, он дал ей такую оценку:

> «В статье т. А. С. (Слепкова) вы не найдете ни одного указания на то, что нынешнее развертывание нэпа неизбежно связано с известным оживлением капитализма в деревне. Наоборот, тов. А. С. прямо отрицает это. А отрицая этот неоспоримый факт, тов. А. С. немедленно приходит к ложным политическим выводам».

Эта статья, к сожалению, также не увидела света, и я думаю, что полезно было бы познакомиться и с этим документом. Такова вторая попытка толкования резолюции XIV конференции. Довольно давно появились в «Комсомольской Правде» две статьи тов. Стецкого, где он попытался расшифровать лозунг «обогащайтесь», назвав его новым этапом новой экономической политики. Разве все это не попытки расширительного толкования решений XIV конференции, имевшей значение с'езда? Я не буду приводит того, что сказано было т.т. Стецким, Богушевским, Слепковым, Кантором, Спасским и целым рядом других товарищей, которые наполняли наши центральные органы своими статьями, печатавшимися без примечаний (правда, иногда через два месяца появлялось несколько строк от редакции, по существу совершенно не затрогивавших серьезнейших ошибок данных товарищей).

Вот, если бы против этих-то товарищей открыли огонь, хотя бы в сто раз меньший, чем против Саркиса и ленинградцев, для партии было бы куда полезней, и мы имели бы гораздо меньше разногласий. Почему же это не было сделано? Не только ни одного слова, но ни одной серьезной попытки одернуть их не было сделано. Во время октябрьского пленума было решено,

что Слепков неправ, что надо выступить против него, что надо его одернуть. А на завтра, после того, как раз'ехались товарищи с пленума, это помешали конкретно сделать. Ни одного слова против него не сказано и до сих пор. Он неприкосновенн. Он может толковать, как хочет, резолюции XIV конференции: «расширение нэпа», «новый этап новой экономической политики», «обогащайтесь» на все лады и т. д. Как раз по самым больным, но самым важным вопросам. Вот в чем были действительно наши разногласия и к чему они сводятся сейчас. На октябрьском пленуме приняли единогласное решение, которое мы безраздельно признали, но от него начинают отступать, его начинают менять, начинают говорить (с м е с т: «Кто начинает говорить?»), — я сейчас скажу, кто начинает говорить, — что, дескать, сейчас дело не в недооценке кулака, не в кулацком уклоне, а в чем-то другом. Открыть огонь нужно в другом направлении. Та выдержка, которую я вам сейчас приведу, покажет вам, по ком действительно открывают огонь.

На московской губпартконференции т. Куйбышев заявил:

> «В области п а р т и й н о - и д е о л о г и ч е с к о й трудности заключаются в возможной п а н и к е перед несколько возросшими элементами кулачества, в забвении в силу этого центральной роли середняка и решающего значения союза с ним рабочего класса, в непонимании кардинального значения кооперации, в преувеличении имеющегося в деревне расслоения и в построении, — на основании этого п а н и ч е с к о г о преувеличения, — разных левых теорий... Конечно, на-ряду с паникой перед кулаком, на-ряду с преувеличением расслоения деревни и отказом на этой почве от прежней испытанной тактики союза

с середняками, на-ряду с этим уклоном реален и другой уклон — в сторону замазывания происходящего расслоения, отрицания кулака, его опасности и, как следствие этого уклона,—отсутствие стимула к организации бедноты, забвение ее интересов... Этот уклон также вреден, но, на мой взгляд, он не представляет для нас такой реальной сегодняшней опасности... Этот уклон не может иметь сколько-нибудь широкого распространения среди организованнных членов партии. А вот другой уклон, прикрывающийся левыми фразами, является значительно более опасным».

Я не знаю, товарищи, может быть, это и правильно, но это не то, что сказано было на октябрьском пленуме ЦК. Это не то, это вы должны признать. Всякий, кто прочитает резолюцию октябрьского пленума, увидит, что я прав. Если вы пришли к тому, что этот второй уклон гораздо опаснее, чем первый, вы имеете полное право об этом сказать, но тогда не кричите, что мы срываем решение XIV конференции и решение октябрьского пленума; тогда скажите, что теперь выводы надо сделать другие, что решения нашей партии в этой области были недостаточно правильны и нужно их поправить. А то выходит так, что медведь корову дерет, да сам же и ревет.

Вы предлагаете пересмотр октябрьской резолюции и предлагаете его совершенно неправильно.

Вы не можете отрицать того, что у нас в Грузии, например, доходило до серьезных разговоров об отмене национализации земли. В центральном органе нашей партии в Тифлисе, в «Заре Востока» от 14 июля имеется определенное указание на то, что в грузин-

ском НКЗеме выработаны были тезисы о частичной отмене национализации земли. Хорошо, что наши грузинские товарищи сейчас же приняли самые решительные меры против этого уклона. Но если в нашей большевистской партии, в тезисах, исходящих от группы наших же товарищей, начинают говорить об отмене национализации земли после XIV партконференции, — разве это шуточка! Нет, это — не шуточка, это симптом серьезного явления, который мы не можем оставить без внимания.

Или вот, например, товарищи, я зачитаю вам следующий отрывок из речи т. Г. И. Петровского на пленуме украинского ЦК 23—25 июня 1925 г., когда он заявил:

> «Дальше, товарищи, насчет классовой борьбы. Это мне напоминает несколько тот момент, когда буржуазия подготовлялась к великой французской революции на основании учения классовой борьбы, а потом, когда она взяла власть в свои руки, и рабочий класс начал организовываться и вести борьбу против нее, то буржуазия стала против классовой борьбы. Не шибко ли мы, товарищи, здесь поворачиваем? . .».

Дальше он продолжает:

> «. . . Уже и сейчас в некоторых селениях, меня встречали преимущественно середняки и заможные селяне, оттирая при таких встречах бедняков.
>
> Можем ли мы потворствовать такому явлению? А эта тенденция, товарищи, сейчас проявляется очень сильно. Нэп, так сказать, пробивает себе дорогу, и если мы его не боимся в городе, то не забывайте, что в селах бедноте и слабым еще коммунистическим организациям трудно будет справиться с этими нэповскими тенденциями». . .[1].

[1] Июньский пленум ЦК КПУ, стеногр. отчет, стр. 93.

Я спрашиваю вас: кому это говорил тов. Петровский на пленуме ЦК Украины, не забываем ли мы насчет классовой борьбы? Зачем он проводил свою аналогию? Ведь более острую аналогию трудно себе представить. Он напоминает о великой французской революции, в которой буржуазия вначале была за классовую борьбу, а потом боролась против нее. Ведь это напоминание есть симптом глубочайший, над которым надо задуматься! А нам говорят, что никакие уклоны не опасны и т. д. Из всей нынешней обстановки, если мы действительно вступаем в стабилизационный период, если этот период затянется на несколько лет, если экономика и «обыденщина» будут действовать, — при таком положении, я спрашиваю, будут расти такие настроения, или не будут? Должны они расти? — Могут и должны! Ясно, товарищи, что они должны расти, и от них уйти некуда.

Вот почему я не согласен с попыткой пересмотра октябрьской резолюции. По-моему, она нуждается лишь в уточнении и в углублении. Но ни в коем случае нельзя говорить, что кулацкой опасности нет, что кулаки — одиночки и т. д. И, конечно, дело не в Богушевском, а в том, что полгода гулял лозунг «обогащайтесь», что этот лозунг истолковали и вульгаризировали втрое больше; говорили о расширении нэпа в деревне, следовательно, о расширении нэпа в городе, говорили о новом этапе новой экономической политики, говорили о необходимости денационализации земли и т. д. А на заседании украинского ЦК прозвучали те слова, которые я вам повторил.

Я уже вам сказал с самого начала, что тот, кто не хочет договорить до конца в вопросе о кулаке, тот неизбежно будет впадать в панику и уверять, что другие не заме-

чают середняка. В действительности же в 1925 г. нам нечего впадать в панику.

Теперь многие говорят об оптимизме и пессимизме. А может быть, вы помните, что было 3 года назад на XII с'езде? В тот период только начинался под'ем нашего хозяйства, и быть тогда оптимистом (см. политотчет ЦК, сделанный мною тогда) было труднее, чем сейчас. Вот почему, товарищи, вы отвечайте политически, а не криками: «паника, паника». Это—факт, товарищи, что дело дошло до таких вещей, что до сих пор нельзя было поправить неправильные толкования линии нашей партии. Почему Слепков может писать о расширении нэпа в деревне, а Надежда Константиновна Крупская не может его поправить? Почему Стецкий может говорить о новом этапе нэпа, а Ломинадзе не может его поправить? (Голос: «Не бейте на чувства. Мы — народ закаленный. Это ведь XIV партс'езд, не забудьте».) Я знаю, что вы — народ закаленный. Пусть мне докажут, что в большевистской партии был когда-нибудь период, когда статьи вроде статьи Богушевского без всякого ответа могли гулять месяцами; я такого периода не помню; я знаю историю партии, никогда у нас этого не было и быть не должно.

Связано ли это с нашей общей обстановкой? Конечно, связано. Кулак в нашей деревне представляет количественно сравнительно небольшую силу. Мы все это знаем. Он составляет три-четыре процента, может быть, теперь процент этот немножко увеличился.

Статистика, как вы знаете, у нас хромает, и очень трудно найти точную бесспорную цифру, на которую можно было бы сослаться. Мы примем эту цифру. Но какова его экономическая мощь? Ленин говорил в 1918 году, что «кулачья» было примерно 2 миллиона.

Вполне вероятно, что сейчас надо сказать: полтора миллиона. Допустим. У нас батраков количественно, вероятно, тоже около полутора миллиона. Как будто количественно одна и та же сила, а сравните нынешний удельный вес, экономическую мощь, политическое значение той и другой группы в деревне, — сравните это, и вы должны будете сказать, что удельный вес вот этих полутора миллиона кулаков, вот этих 3—4%, что их экономическая мощь, удельный вес громаден — куда больше, чем батрака. Вот почему, товарищи, вопрос этот приобретает громадное значение и внутри страны и на международной арене.

Кулак имеет дополнение и в городе. Его дополнением является, во-первых, нэпман, во-вторых — новая буржуазия вообще, в-третьих — верхушка спецов, которая теперь является все более и более необходимым винтиком в нашем хозяйстве, в-четвертых — верхушка служащих, которых у нас 2½ миллиона, и у которых, конечно, есть известная прослойка не наша, которая, конечно, ищет известной политической смычки с растущим кулаком; в-пятых — часть буржуазной интеллигенции, в-шестых — все капиталистическое международное окружение, которое питает и которое благословляет и поддерживает кулака всячески.

С нашей стороны была бы паника, если бы мы, указывая на рост кулака, не указывали вместе с партией средств, противоядий для того, чтобы побороть его. Мы указываем также и на другое, — как мы должны помогать бедняку, как вместе с ним вступать в союз с середняком, чтобы изолировать кулака. Вот, если бы этого не было, тогда была бы паника. А если вместе со всей партией мы даем совершенно определенные ответы, если указываем, как это побороть, то я решительно не вижу, каким образом, где тут паника. По-моему, никакой па-

ники тут нет. Я вижу здесь только нежелание посмотреть на вещи, как они есть. У нас доходит до диких вещей, я видел вчера в «Правде», статью Зайцева. Он поучает нас про середняка: «Середняки, — говорит,—а не буржуа», противопоставление такое: середняки, а не буржуа! Что это значит? Конечно, середняк не Ротшильд, это, конечно, не классический тип буржуа. Мы знаем это очень хорошо. Мы знаем также, что в перспективе, когда середняк станет «цивилизованным кооператором», как говорил Ильич, он не будет ни в каком смысле буржуа. Но сейчас середняков можно и должно назвать мелким буржуа. Кто этого не видит, тот беспардонно идеализирует середняка.

Или, когда я читаю речь такого ответственного товарища, как т. Бауман на московской конференции, я нахожу там такие слова:

> «Владимир Ильич говорил о данных условиях России при данном преобладании мелкобуржуазного капитализма в нашей стране. Теперь мы не имеем преобладания мелкобуржуазного капитализма, не имеем тех данных условий, о которых говорил Вл. Ильич».

Верно ли это, т. Бауман, не торопитесь ли вы? Разве мы не имеем преобладания мелкобуржуазного капитализма? Что, у нас нет 22 миллионов крестьянских дворов? 10 миллиардов руб. крестьянской продукции? Разве не растет еще капитализм? Откуда у вас вдруг такие поспешные выводы? У нас, видите ли, уже нет тех условий, о которых говорил В. И.! Прав был старик тогда, при тех условиях, а теперь, говорят, условия изменились, должна измениться и тактика. Нет, «данные условия» еще не настолько изменились, к сожалению. Не торопитесь и не говорите этого, потому что

это режет ухо и ничего с подлинным ленинизмом, т. Бауман, не имеет.

Вот журнал нашего ЦК «Деревенский Коммунист». Там один товарищ говорит:

«Новый курс партии вызвал ряд недоумений у деревенских работников. Задается вопрос:

— Не означает ли новый курс, расширяющий возможности для хозяйствующего крестьянства, — не означает ли он отказа от старого, издавнего курса партии на деревенскую бедноту, на особую поддержку бедноты советским государством?

Ошибка в понимании нового курса чаще всего в том именно и заключается, что деревенские товарищи отвечают на этот вопрос положительно: да, новая политика означает отказ от старого курса на бедноту. Эта распространенная ошибка ярко выразилась в таких словах одного товарища на сельском собрании:

— Теперь один середняк для партии дороже, чем 10 бедняков»[1].

Вот психология: один середняк для партии дороже, чем десять бедняков. Это писал не я. Это написано в органе ЦК нашей партии. Если бы у нас начали преобладать Зайцевские настроения — это был бы не большевизм, это был бы какой-то «осередняченный» большевизм, который мало общего, очень мало общего имел бы с тем, чему учил нас Владимир Ильич.

Далее, когда я читаю во время дискуссии о комнезамах на Украине т. Н. Н. Попова, который пишет такую вещь:

«Переход к нэпу и ликвидация политики раскулачивания натолкнулись на значительное противо-

---

[1] Деревенский Коммунист», № 23, 1/XII-25 г., стр. 6.

действие со стороны комнезамов, отнявши у них главный смысл существования и наиболее сильное средство притяжения. Стремясь компенсировать комнезаможников, Советская власть пошла на путь предоставления им всевозможных хозяйственных льгот. Однако, при скудости экономических ресурсов страны эти льготы были слишком недостаточны, чтобы устранить тяготение к старым методам раскулачивания. Но распространяясь не на все незаможнее селянство, а только на членов комнезамов, эти льготы создали среди последних тенденцию к кастовому обособлению не только от окружающего крестьянства, но и от его бедняцкой части, поскольку последняя не входила в КНС. Существование таких льгот по налогам, землеустройству, соцстраху, приему детей в школы делает пребывание в КНС особенно привлекательным для нехозяйственных элементов сельской бедноты, склонных к паразитическому существованию на государственный счет. Главным образом, среди этих элементов (сельской бедноты) до сих пор живет тоска по прежним методам раскулачивания и надежда на их возвращение. Живя такой надеждой, комнезаможник этого типа, к сожалению, довольно распространенного, наплевательски смотрит на свое хозяйство, считая, что его должен кормить кулак. Если же государство по каким-то соображениям запрещает брать у кулака, так пусть оно дает само.

В значительной степени, благодаря такой психологии, не дали больших результатов попытки поставить комнезамы на путь экономической самопомощи.

Партия наша должна, наконец, признать, что в своем настоящем виде комнезамы являются анахронизмом эпохи военного коммунизма. Это вытекает из целого ряда совершенно бесспорных положений, целиком и полностью подтвержденных последними обследованиями ЦК».

Мне кажется, что это довольно ново. Надо полагать, что тов. Попов знает незаможников на Украине лучше, чем я. Но я сильно сомневаюсь в том, что бедняк привык думать так, что раньше его кулак кормил, пусть его теперь кормит государство. Нам кажется, что вся наша партия до сих пор думала наоборот. И мне кажется, что десятки таких «обмолвок», которые имеются, далеко не случайны. Само собой понятно, что мы вовсе не должны повести новую политику, политику раскулачивания. Это было бы грубейшей ошибкой. Мы должны вести политику XIV партийной конференции. Мы должны кулака окружать хозяйственными мерами, но все-таки мы должны помнить, что такое кулак.

Что писал Владимир Ильич о кулаке? Может быть, кто-нибудь скажет, что об этом напоминать излишне, что это уже всем известно, так и быть, позвольте мне быть в данном случае «начетчиком», позвольте мне напомнить некоторые определения кулака:

«. . . Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплоататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов. Кулаков больше, чем помещиков и капиталистов. Но все же кулаки — меньшинство в народе . . . едва ли больше двух миллионов (будет) кулачья, богатеев, спекулянтов хлебом. Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни

тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели на счет разоренных войной крестьян, на счет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся... Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли ...

Товарищи, конечно, таким языком можно и должно было писать в 1918 году, я не скажу, что мы должны слово в слово повторять это же в 1925; несомненно, это писалось в момент самой острой борьбы; однако, товарищи, вот что сказано о кулаках, которые имеются в нашей стране и о которых помнить нужно. Их нельзя выслать за границу, как мы высылаем Рябушинских и Милюковых, это слой населения, который глубоко корнями ушел в нашу землю, который имеет громадное политическое влияние в деревне. Конечно, в 1925 году мы не можем разжигать классовой борьбы в деревне, но все-таки, товарищи, когда я вам читаю выдержки, характеризующие настроения некоторых товарищей, то мне кажется, что в виде противоядия им не грех напомнить о том, что говорил Владимир Ильич о кулаке; совсем не грех сказать, чтобы об этом знал бедняк, которого кулачье порой ведет за собой. Это не значит, конечно, что мы хотим раскулачивания, мы, товарищи, в настоящее время слишком сильны, чтобы прибегать к этой мере, или чтобы раздувать гражданскую войну в деревне, мы боремся против этого; это не значит, товарищи, что мы должны выдвинуть лозунг — раздеть кулака, ограбить кулака, но это значит, что мы должны дать такой лозунг, который бы правильно обозначал нашу политику, мы должны дать знать бедноте, что мы не позволим кулаку раздевать и грабить ее. Сейчас кулак растет и пытается раздевать бедняка, относительно кото-

рого мы не можем забывать... .Тов. Молотов в своей недавней речи считал, что у нас 40—45% бедноты; может быть, эта цифра не совсем правильна, т. к. статистика у нас хромает, но за неимением других цифр мы будем исходить из этих цифр. 40—45% бедноты — это почти половина деревни, хотя и меньшая половина; это десятки миллионов людей. Мне кажется, считать, что эта масса «наплевательски» смотрит на хозяйство, — нельзя. Я не буду идеализировать бедняка; Ильич учил не идеализировать даже рабочего, в котором есть и разлагающиеся элементы.

Но основная масса бедняков, конечно, хочет трудиться и улучшать свое хозяйство. Не следует пересматривать резолюцию октябрьского пленума в другую сторону. Не следует забывать, что местами кулак начинает возвращать себе раскулаченную землю, не следует забывать, что сообщал Екатеринославский губком о том, как происходила весною волна беспартийных конференций, решительно направленная против бедноты, когда не пропускали ни одного коммуниста, ни одного комсомольца и выставляли требование о возврате земли; не следует забывать того, что происходило на Кубани, что растет в Сибири. Этого не следует забывать не для того, чтобы впасть в панику, не для того, чтобы вернуться к раскулачиванию, не для того, чтобы вернуться к военному коммунизму или отказаться от нэпа, — это вздор.

Конечно, социализм мы будем строить не иначе, как через нэп. Но не следует подсахаривать нэп. Не следует говорить, что из формулы «нэп» всерьез и надолго, «но не навсегда» можно вычеркнуть слова «но не навсегда», как это предлагал в одном случае тов. Бубнов. Это одно с другим тесно связано неразрывными узами. Когда же вам го-

ворят об этом, хотят напомнить, вы говорите: это—паника, ты забываешь середняка. Нет, ни в коей мере мы не забываем середняка, знаем, что это есть основная масса, основная фигура. Мы знаем, что мы живем в период, когда дело идет уже не о нейтрализации середняка, а о тесном союзе и сотрудничестве с ним. Но вместе с тем мы знаем, что у нас 40 — 45% бедноты, что эта беднота своими силами без нашей помощи подняться не сможет, — это бесспорно. Но мы, — рабочее государство, по мере сил будем помогать, конечно, не тем элементам, которые не хотят работать. Но мы должны дать по рукам тем, которые забывают об этом.

Я хотел бы сказать еще следующее. У нас есть умный враг Милюков. Он выпустил на немецком языке книгу о нашей революции. Его кулак очень интересует. В нем он видит свою единственную надежду.

> ...«Если бы к власти пришел другой класс, то, по всей вероятности, в первом ряду оказались бы, — говорит Милюков,—на виду эти хозяйственно-крепкие элементы деревни. И как раз говоря о них, нельзя говорить о полной темноте и некультурности. Дети сельских богачей не остались без образования. Их отцы куда лучше, чем серая масса, осознали взаимоотношения между городом и деревней, между сельским хозяйством и промышленностью»...

Вот как думает политик Милюков. Мы прекрасно знаем, что все планы Милюкова, Устрялова и проч. компании, несомненно, построены на песке. Несомненно они не увидят, как ушей без зеркала, того, чего они ждут. Но следует помнить, на что они ставят ставку.

Пролетариат стал более сильным, мы имеем большую опору в деревенской массе. Но для того, чтобы наше усиление шло как можно скорее, как можно безболезненнее, для этого мы должны дать отпор тем, ко-

торые идут в разрез с ленинизмом, с нашей общей линией. Вот то, что мы имеем сказать по вопросу о так называемой недооценке середняка.

Наконец, товарищи, третий и самый трудный для меня вопрос, — это вопрос о партии и коллективном руководстве партией. Я сказал уже, что это есть третья область трудностей, с которыми нам приходится считаться. В конце концов, какой у нас основной таран, основной утес против всех опасностей? Это—наша партия, наша РКП. Это основное. Поэтому мы должны здесь особенно внимательно присматриваться к тому, что происходит.

Я хочу несколько остановиться на составе нашей партии в связи со ставшим теперь очень модным вопросом об «аксельродовщине».

Я, прежде всего, хотел сказать, что предложил бы я, например, XIV с'езду, если бы он меня спросил. Я предложил бы подтвердить решения XIII с'езда нашей партии. Там было сказано:

> «Близится время, когда в партию будет входить вся основная масса пролетариата нашего Союза. С'езд поручает Центральному Комитету всю работу всети в том направлении, чтобы громадное большинство членов партии в ближайшее время состояло из рабочих, занятых непосредственно на производстве»[1].

Вот решение, принятое на XIII с'езде нашей партии. (Голос: «Правильно!»). Если правильно, так спрашивается: по какому поводу шум относительно аксельродовщины? И почему так страстно реагируют на Сар-

[1] Из резолюций XIII с'езда. Стенограф. отч., стр. 273.

киса и так вяло реагируют на Богушевского? Почему так страстно реагируют, повторяю, на предложение, что надо побольше рабочих в партию? Я вам процитировал то, что было сказано на XIII с'езде. Что произошло после XIII с'езда? Мы продвинулись в области хозяйства в значительной мере вперед, все это признают, мы подходим к довоенной норме. Прекратилось деклассирование пролетариата, активность бьет ключом, культурный уровень рабочего поднимается и т. д. и т. п. И вот по этому случаю нам предлагают пойти немножечко назад. По этому случаю поднимают шум об аксельродовщине. Как это преломляется в некоторых организациях, например, в Тульской, одной из хороших пролетарских организаций? Возьму два номера «Коммунара», там имеются две статьи. В одной статье говорится:

«Хотя в статье т. Саркиса и говорится кое-что о крестьянском характере нашей страны и трудностях руководства такой страной, однако совершенно недооценена и забыта необходимость некоторого отражения этого крестьянского характера страны на самом составе партии. ... Точка зрения т. Саркиса — совершенно ошибочная точка зрения, реально не осуществимая и могущая при попытках ее осуществления привести к разжижению состава партии мало организованными, политически не доросшими до партии, отсталыми слоями рабочих, а также к осложнению отношений с крестьянством, которое в том случае, если стать на точку зрения т. Саркиса в практике, попытается с большим основанием найти выход своей политической активности по иным, чем наша партия, политическим каналам» [1].

---

[1] Тульский «Коммунар», № 284 (2216) от 13/XII 1925 г.

Днем же раньше эта же газета помещает передовицу, в которой мы находим следующее место:

«...Прием в партию в деревне, в особенности крестьян, должен сохранить тот темп, который достигнут партией в самые последние месяцы — август, сентябрь, октябрь, когда среди принятых в партию крестьяне составляли 40 и выше процентов»[1]...

Верно ли это, что мы должны принимать 40% всех новых членов — из числа крестьян? Неверно! Я думаю, все должны признать, что здесь неправильное устремление. Я думаю, неправильно также было бы сказать, что политическая активность крестьянства, если его не будут брать в партию, пойдет иным каналом. Мы должны политическую активность крестьянства организовывать другим путем — беспартийный актив вокруг советов, кооперации, исполкомов и т. д. Мы не можем дать сколько-нибудь широкого исхода большой политической активности крестьянства через ряды нашей партии. Но когда рядом с такими предложениями о приеме крестьян предостерегают против отсталых слоев рабочих, — что же это такое в самом деле!

Я читал глубоко пессимистическую в этой части речь тов. Бухарина на московской конференции, который говорит, что такое теперь рабочий класс, сколько в нем нового, непереваренного элемента, сырья и т. д. Меня это чрезвычайно удивляет. Откуда это идет так много сырья? Разве мы не понимаем, что дело будет так, что основное ядро рабочего класса будет переваривать сырье, а не наоборот? Откуда опасения, что мы возьмем такое большое количество, что не успеем переварить. Конечно, надо различать районы. Одно дело — Иваново-Вознесенск, другое дело — Урал, другое дело —

---

[1] Тульский «Коммунар», № 283 (2215) от 12/XII 1925 г.

Москва, Ленинград, Донбасс и т. д. Надо считаться с наличием наших сил для того, чтобы переработать, как следует, новых членов партии.

Но, товарищи, откуда эта боязнь рабочего класса? Я не понимаю, откуда она. (Голоса: «Боязни нет»). Но этими двумя статьями это показано, показано и тем воплем, который подняли против Саркиса. Человек посылает статью в «Правду», статья не печатается.

Я не понимаю вот чего: если статья не печатается, то как можно выхватывать отдельные кусочки, полемизировать и приписывать аксельродовщину? Так, товарищи, не делается.

Что такое Аксельрод? Аксельрод, это — меньшевик, патриарх меньшевизма (он и сейчас еще жив, недавно праздновал 75-летие). Аксельрод предлагал широкую рабочую партию против нашей большевистской партии. Теперь ярлык аксельродовщины пришивается тем товарищам, которые повторяют основное положение большевизма о том, что наша партия по своему составу должна становиться все более и более рабочей. Саркису «аксельродовщина» не подходит, а вот то, что вы не замечаете бревна в своем глазу, а в глазу соседа замечаете сучок, это наводит на тревожные размышления.

Я думаю, что мы должны, конечно, принимать в партию лучших из крестьян от сохи, но мы должны принимать строго, принимать скупо, с разбором. Активность крестьянства мы должны проводить по другим линиям, а не по чисто партийной. И учитывая консолидацию и рост рабочего класса, рост промышленности, учитывая, что мы вошли в полосу великого строительства, мы должны теперь пополнять нашу партию наиболее лучшими элементами пролетариата. Ни в каком случае нельзя бросаться с вилами на того, кто это пред-

лагает, и называть это аксельродовщиной. У меня есть статистические данные о составе нашей партии, которые я привожу на основании цифр заведующей Статотделом ЦК тов. Смиттен. Там говорится о том, что «характерной чертой социального состава принятых в партию за время с XIII по XIV с'езд является постепенное понижение процента рабочих при росте абсолютного числа их». Дальше говорится, что процент коммунистов, работающих в производстве, по отношению ко всем членам РКП понизился с 40,8% до 37,5%, при одновременном усилении удельного веса служащих как в городской, так и особенно в крестьянской части партии. Получилось, что директива XIII с'езда, чтобы в «течение ближайшего года в партии было больше половины ее состава рабочих от станка», не выполнена. Наоборот, здесь получился шаг назад— вместо 40,8% у нас 37,5%. Конечно, разница сравнительно маленькая, ее можно легко поправить. Но из этого видно, что ни в каком случае ни от какого разбухания мы не страдаем, никакого переполнения нашей партии нет. И в частности, ленинградская организация, которой вы бросаете упрек, меньше всего разбухла, была осторожнее всех в приеме, осторожнее, чем московская организация, принимала гораздо более скупо. Это факт, доказанный итогами.

Итог нашей партийной статистики говорит о том, что опасности разбухания, опасности аксельродовщины нет. А в нашей партийной печати, провинциальной, в речах говорят о том, что есть другая опасность, что мы можем превратить нашу партию в рабоче-крестьянскую. Партия должна остаться рабочей. Вот почему столь поразительна та страстность, с которой говорили и кричали об аксельродовщине. С такой страстностью раздувают этот вопрос. Это явно неправильно.

Вот, товарищи, то, что я хотел сказать о необходимости регулирования социального состава нашей партии. И, конечно, если тут говорить без «страстей», то мы найдем скоро общее решение.

Теперь я хотел бы сказать о нашем руководстве. Уже из того, что я вам привел, из целого ряда колебаний в крупнейшем принципиальном вопросе, вы можете ясно видеть, что в ряде случаев твердой политики не было. Твердый подбор по организационной линии был, а твердая политика была далеко не всегда; это надо видеть ясно, потому что какая же это твердая политика, когда у нас шесть месяцев гуляет лозунг «обогащайтесь»? Какая это твердая политика, когда у нас могли писать то, что писали? Я думаю, что, конечно, промахи были, и это надо сказать совершенно открыто. Конечно, у нас лучший Центральный Комитет, какой мы только знаем, спорить против того, что это — отбор всей партии, никто, конечно, не может, но это не значит, что мы должны заниматься самовосхвалением, и это не значит, что мы будем принимать твердые жесты за твердую политику. В вопросе о крестьянстве, важном, решающем вопросе, нужно проявить гораздо больше твердости, чем ее проявляли до сих пор.

Я думаю, что в вопросе о Ленинграде политика была неправильная: неправильно, когда ищут каких-то «зловредных агитаторов». Это неверный подход. Мы всегда смеялись над таким подходом, когда говорилось, что виноваты не рабочие, а виноваты зловредные агитаторы, которые на верхушке сидят и «мутят». Представим себе на минутку, что линия Ленинграда абсолютно неправильна, что все эти ошибки действительно есть и т. д. Я на минутку это допускаю. Но как нужно было поступить, чтобы все это было прекращено? Если это были зловредные агитаторы, то почему эти

«агитаторы» просили несколько раз устроить совместное совещание, прежде чем составить окончательное мнение? Ведь на это не пошли. Делегации отказывались выслушать ленинградцев. В партийной практике до сих пор такого случая не бывало.

Если вы считаете, что товарищи поступили неверно, то давайте поправим, — это легко поправить. По тем сведениям, которыми я располагаю, это абсолютно верно. Я думаю, что задача состоит не в том, чтобы изловить зловредного «агитатора», а дело в том, чтобы подумать хорошенько, почему это так случилось; почему в этом вопросе так страстно реагируют ленинградские рабочие. А я вам говорю, товарищи: против теорий «Богушевских», против «обогащайтесь», — как бы вы ни вырывали этих «зловредных агитаторов» из Ленинграда, — рабочие-коммунисты протестовали и будут протестовать.

Здесь вчера было сказано об усталости. В Центральном Комитете партии не обсуждался этот вопрос, и я не знаю, было ли поручение заявлять об этой усталости, — насколько я знаю, не было. Я думаю, что мы ни капли не устали и не устанем в деле защиты ленинизма, где бы это нам ни пришлось делать. (Аплодисменты ленинградской делегации).

Вопрос заключается не в усталости, а вопрос заключается в том, что мы переживаем очень трудный период. Я думаю, что если бы у нас не было бы вообще ни малейших шероховатостей, если бы у нас было полное единство, и если бы во главе партии и сейчас стоял Владимир Ильич, то и то в настоящее время со всем тем переплетом, который мы имеем, трудности все же были бы, — другие трудности, чем были несколько лет тому назад: трудности роста, трудности стабилизации, но трудности, с которыми нельзя не считаться, и эти

трудности, как, например, трудности, вызываемые крестьянским вопросом, не случайны в той международной обстановке, в которой приходится сейчас работать.

Мне кажется, что против сползания мы обязаны предупредить, против этого сползания мы обязаны бороться, хотя бы и в меньшинстве. И я думаю, что наша партия примет соответствующие меры. Необходимо иногда итти против течения, и здесь ничего решительно не поделаешь.

Каждый из нас исполнит свой долг, как это необходимо. Но из того, что я изложил, из освещения этих отдельных эпизодов мы должны притти к мнению, что мы скорее поздно, чем рано, вынесли эти документы на обсуждение партии, что действительно их надо прочесть, надо вспомнить, что говорил Владимир Ильич о тех, которые судят о вопросах без документов. Не надо поддаваться, не надо решать вопрос так, будто все это происходит потому, что кто-то кого-то любит или не любит, что это паника и т. д. Нужно решить вопрос, куда мы идем. Если мы начнем анализировать насчет паники и т. д., то надо брать аргументы, надо брать политику, политическое положение; нужно понять, как это случилось, что кое-где образовалась целая школа, ревизующая Ленина, надо понять, почему вдруг это произошло. Тогда мы увидим, что теория о двух стратегических планах была совершенно зря выдумана Бухариным, что зря противопоставляется последняя статья Владимира Ильича «О кооперации» статье 1921 г., что зря создается целая «школа», которая безвозбранно печатает о пораженцах и т. п. Шутка сказать: у нас, в большевистской партии, в 1925 г., оказывается, есть пораженцы, в то время, когда все растет, — в чем дело, это надо же понять, обсудить и об'яснить.

Вот почему, товарищи, не взыщите. Можете выругать меня, как угодно, сказать, что мы не правы, можете искать об'яснения совершенно не там, где оно имеется, но наш долг сказать вам всю правду. Кто хочет говорить, что нэп, это — социализм, — вот это есть ликвидаторское безверье. Если вы говорите: «Ленин думал, что у нас островок социализма, да и тот затонул»,—вот это ликвидаторское безверие. Кто не хочет сказать всей правды о кулаке, тот неизбежно должен подсовывать своему оппоненту недооценку середняка. Кто не хочет понять, что основной вопрос, это — вопрос о нэпе, тот должен будет сказать: давайте вычеркнем из формулы последние слова «не навсегда». Кто не хочет совместно провод ть намеченную партией линию, должен сказать это открыто.

Уклоны есть, но не по линии недооценки середняка; не было у нас ни одного расхождения ни по одному мероприятию, ни по одному декрету, ни по одной политической мере, ни по решениям XIV конференции в связи с середняком. А вот насчет кулака мы можем в десятках случаев указать другой уклон,— и это в обстановке, когда вокруг нас ходят на цыпочках Милюковы и прочие.

Вот наши взгляды, товарищи. Судите нас, если хотите, но за эти взгляды мы стоим, мы нисколько их не уступим, и куда бы, на какое бы место нас партия не поставила, мы будем защищать попрежнему ленинизм. (Аплодисменты ленинградской делегации).

1р. 01054

Приложение к № 300 „Ленинградской Правды“.

